
Зэди Смит

ЭТО ЗАГАДОЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ⁵

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2010 г.

Художественный фильм «Социальная сеть», режиссер Дэвид Финчер, сценарист Аарон Соркин.

Арон Ланьер «Ты не гаджет: Манифест» Издательство Knopf.

Срок одного поколения — каков он в наши дни? Я могла бы отнести себя к поколению Марка Цукерберга — ведь нас разделяют всего девять лет. Однако я почему-то не чувствую себя человеком из той же когорты. И это несмотря на то, что я могу сказать (как и любой другой, кто жил в кампусе Гарвардского университета осенью 2003 г.), что «я была там» в самом начале Facebook, помню Facemash⁶ и застала вызванный ими ажиотаж. Как будто снова вижу хрупкую, изящную кинозвезду в окружении молодых людей — фанатов, следующих за ней повсюду, и этот ужасный снег, от которого становится серой не только твоя обувь, но и твоя душа, снег, от которого бескровно погибает белка, очутившаяся каким-то образом в многоквартирном доме, где я жила: замерзшая, безжизненная, само совершенство — как стеклянные цветы коллекции «The Ware Collection of Blaschka Glass Models of Plants»⁷. Не сомневаюсь, что теперь я всегда буду ощущать свою близость с Цукербергом, точно такую же, какую ощущал каждый, кто в 60-е годы прошлого века в Ливерпуле встретился с Джоном Ленноном.

Одно время я чувствовала, что далека от Цукерберга, да и от всей гарвардской молодежи. Я все еще продолжаю ощущать дистанцию между нами — и, пожалуй, как никогда прежде, — потому что все больше самоустраняюсь (сознательно или по умолчанию) от тех вещей, которые они принимают. Выражаясь точнее, у нас разное понимание того, что «есть» или что «должен быть» человек. Зачастую я с беспокойством ловлю себя на том, что мое

⁵ Zadie Smith. Generation why? // The New York Review of Books. 2010. November 25 (пер. с англ. С. Кучковской). <http://www.nybooks.com/articles/archives/2010/nov/25/generation-why>

⁶ Facemash — домен Facemash.com, на котором раньше был расположен прототип самой крупной социальной сети в мире Facebook, выставлен на продажу на аукционе Flipra.com. По этому URL-адресу в октябре 2003 г. Марк Цукерберг запустил свой первый сайт во время обучения в Гарвардском университете. — *Примеч. пер.*

⁷ The Ware Collection of Blaschka Glass Models of Plants — известная коллекция выполненных из стекла с высокой степенью реалистичности моделей растений. Выставлена в Музее природы Гарвардского университета. — *Примеч. пер.*

представление об индивидуальности, скорее, какое-то ностальгическое, что оно иррационально и ошибочно. Вероятно, поколение Facebook, будем называть его так, создавало свой виртуальный дом именно для людей 2.0, кем они на самом деле и являются. Но лично я чувствую себя некомфортно среди них, потому что я «застряла» среди людей 1.0. Но в то же время чем дольше я нахожусь среди людей Facebook (это мои студенты), тем больше убеждаюсь в том, что их софт (эти программные заморочки), формирующий это поколение, их недостойн. Молодые люди нового поколения гораздо интереснее, и они заслуживают лучшего.

Фильм «Социальная сеть» почти дотягивает до того, чтобы признать его достойным поколения Facebook. И этот факт, неожиданный по своей сути, делает фильм более привлекательным, чем он все же, вероятно, объективно является. С самого первого кадра становится очевидным, что это фильм о людях 2.0, сделанный людьми 1.0 (Аарону Соркину 49 лет, а Дэвиду Финчеру — 48). Видит бог, это действительно «говорящее» кино, в нем произносятся столько же слов в минуту, что и в фильме «Его девушка Пятница». Парень по имени Марк и его девушка Эрика сидят за столиком в гарвардском баре, жестко подкалывая друг друга в той фирменной манере Соркина, которая стала знаменитой благодаря телесериалу «Западное крыло» (хотя, справедливости ради, замечу, ни один из них ни разу не сказал «Пойдем со мной» — за одно это мы уже должны быть благодарны автору).

Но что-то в этом молодом человеке неправильно: его взгляд блуждает, складывается впечатление, что он не понимает простых речевых оборотов или двусмысленности выражений; он прямолинеен до оскорбления и педантичен до агрессии («“Final clubs”, а не “Finals clubs”⁸» — жестко говорит Марк, поправляя Эрику, когда они обсуждают эти эксклюзивные гарвардские сообщества.) Он не понимает, что происходит, когда Эрика пытается уйти от него («Постой, это правда?»). Не понимает он, и почему. До него просто не доходит: то, что для него просто факт, для этого — другого — человека может быть чем-то личным, мучительно важным:

Эрика: Мне надо идти заниматься.

Марк: Тебе не надо заниматься.

Эрика: Почему ты считаешь, что мне не надо заниматься?!

Марк: Потому что ты учишься в Б. У. (Бостонский университет)

Пропустив говоря, он — компьютерный «ботаник», социальный аутист, т. е. для аудитории Финчера он то же самое, чем циничный газетчик был для Говарда Хоукса. Чтобы создать образ такого Цукерберга, от сценариста Соркина потребовалось просто слегка черкнуть пером по странице. Мы пришли в кино, ожидая встретиться с этим парнем, и нам интересно наблюдать за тем, как Соркин

⁸ Final club (часто ошибочно говорят Finals club) — студенческий клуб в Гарвардском университете. Такое название получил потому, что это был последний университетский клуб, в который мог вступить студент до выпуска. — *Примеч. пер.*

расцветивает уже сформировавшийся в нашем представлении образ. Иногда наши жизненные установки создают определенные обобщенные стереотипы. Или мы думаем, что это так. Ведь все мы знаем, почему эти «ботаники» делают то, что они делают. Им надо сделать деньги, которые принесут им популярность, а она, в свою очередь, откроет для них сердца всех девчонок. Соркин, уверовавший в свой собственный миф об основании Facebook, раскрывает волнующую сказочку о двойном отрицании — отвергнутый Эрикой и клубом Porcellian, самым крутым из всех Final clubs⁹, Цукерберг, подталкиваемый недоброжелательностью и изменами, начинает свой путь наверх. Множество эпизодов в приемных адвокатов и жалких, унижительных показаний в суде («Твой лучший друг предъявил тебе иск!»). Соркин заменил вояк из фильма «Несколько хороших парней»¹⁰ на другую общность исключительных парней в другом прикиде: худи фирмы GAP¹¹, толстовки фирмы The North Face.

По моим наблюдениям, зрители, попадая в кампус Нью-Йоркского университета, испытывают внутреннее волнение. Однако если всезнайки и «ботаники» рассчитывают на обычные взрывные штучки Финчера, они будут разочарованы: в конторе адвоката Финчеру негде развернуться. Ему приходится прибегнуть к ошеломляющему и стремительному чередованию сцен в Гарварде и судебных заседаний и воспользоваться своим бесспорным преимуществом — отличным кастингом. Пройдет немало времени, пока придет тот, кто вытеснит с экранов компьютерного «ботаника», созданного Джессом Айзенбергом, исполнителем роли Марка Цукерберга, с его пассивно-агрессивным бесцветным голосом, с его переменчивой скукой, когда говорит кто-то другой, а не он, с его едва сдерживаемой ухмылкой. Айзенберг даже нашел подходящую «ботанику» походку: в коридоре он не жметя к стеночке (типа «Не затолкайте меня!»), но вышагивает важно и демонстративно («Я не какой-то там 5&8”, я — 5&9”!»¹²).

И, само собой разумеется, с рюкзаком. В растянутом четырехминутном эпизоде он именно так и идет по гарвардскому кампусу,

⁹ Porcellian Club — исключительно мужской клуб из числа Final clubs Гарвардского университета. На вебсайте <http://www.urban-legends.com/> сказано (возможно, это одна из легенд), что даже если член клуба Porcellian не заработает свой первый миллион до 40 лет, клуб выдаст ему этот миллион. — *Примеч. пер.*

¹⁰ «Несколько хороших парней» (A few good men) — фильм режиссера Роба Райнера, вышедший на экраны в 1992 г. Экранизация пьесы Аарона Соркина. (Не рекомендуется просмотр детям и подросткам моложе 16 лет.) История расследования случая применения неуставной системы наказаний на американской военной базе в Гуантанамо в 1990-е годы, в результате которого погиб молодой морской пехотинец. — *Примеч. пер.*

¹¹ GAP — легендарный американский бренд модной городской одежды. Пользуется популярностью среди тех, кто надевает джинсы и худи (комфортная кофта с капюшоном из мягкого хлопчатобумажного трикотажа) только по выходным, а в обычные дни вынужден соблюдать дресс-код или носить спецодежду. — *Примеч. пер.*

¹² 5&8”, 5&9” — объективы Sigma для фотокамер (устаревший и продвинутый). — *Примеч. пер.*

пока наконец не приходит туда, где и есть его место — единственное место, где он чувствует себя по-настоящему комфортно, место перед своим ноутбуком, в своем блоге:

«Эрика Олбрайт — сучка. Вы так считаете, потому что ее семья сменила свою фамилию Альбрехт, или потому что все девчонки Бостонского университета сучки?»

Да, да. Мы знаем этого парня. Сверхзапрограммированного, неистового, одинокого. Финчер окружает его внушительной толпой людей 1.0, которых он предал и унизил, и по мере развития сюжета они выстраиваются в очередь, чтобы подать на него в суд. Если в фильме три части, то это потому, что Цукерберг пересекся с большим числом людей, чем может благополучно вместить фильм из двух частей: это близнецы Уинкловоссы и Дивья Нарендра (у него Цукерберг якобы украл идею Facebook), а еще его лучший друг Эдуардо Саверин (финансовый директор, которого он вытеснил из компании) и, наконец, Шон Паркер (его сыграл Джастин Тимберлейк), король программы Napster для обмена музыкальными файлами, сгубивший себя наркотиками. Это в Эдуардо (его играет Эндрю Гарфилд) с его оживленным, привлекательным лицом, похоже, воплотились — и стали личными, мучительными — все измены Цукерберга. Слишком статичные эпизоды в суде, которые должны были бы быть занудными, обретают силу благодаря мрачному противостоянию между непроницаемостью Айзенберга (его брови едва-едва движутся; заметим, что у настоящего Цукерберга они вообще никогда не движутся) и умоляющим неверием Гарфилда — почти так же Спенсер Трейси противостоит непреклонности Фредрика Марча в еще одной судебной эпопее — «Пожнешь бурю»¹³.

Ну и, конечно же, Финчер не может отказать себе в саморекламе. В середине фильма он вставляет восхитительный, но абсолютно ненужный эпизод с милыми близнецами Уинкловоссами (в сюжете о фанатах все люди поразительно привлекательны) во время регаты в Хенли. Эти два блондинистых титана гребут, как чемпионы. (Одного актера, Эрми Хаммера, клонировали методом оцифровки. Я настолько являюсь человеком 1.0, что почти целый час, пока смотрела фильм, пыталась увидеть хоть какое-нибудь различие между близнецами.) Их руки двигаются подозрительно быстро, быстрее, чем у реальных людей; складывается впечатление, что их мускулы вычерчены тонким пером; вода разбрызгивается отдельными каплями, как будто они вышли из-под кисти Караваджо. Что уж говорить о музыке! Трент Резнор, лидер рок-группы Nine Inch Nails, с изысканной безжалостностью обходится с композицией Эдварда Грига «В пещере горного короля», которая и сама по себе весьма брутальна. Это сплошь синтезаторы

¹³ «Пожнешь бурю» (Inherit the wind), 1960 г., режиссер Стэнли Крамер. Судебная драма по пьесе Дж. Лоуренса и Р. И. Ли об «обезьяньем процессе» — суде над учителем Джоном У. Скоупсом, арестованным за преподавание учения Дарвина. Процесс состоялся летом 1925 г. в штате Теннесси. — *Примеч. пер.*

и «белый шум». Этот музыкальный видеоклип — такая художественная форма, которую мое «недопоколение» на самом деле недопонимает, — являет собой гиперреальный трюк, такой же, как тот, который делает изображение реальности в фильме Финчера «Бойцовский клуб» таким неотразимым для его многочисленных фанов, хотя и несколько разочаровывающим. Как бы там ни было, близнецы в упорной борьбе проигрывают регату, что дает возможность Финчеру оправдать эпизоды тематического повтора: иногда очень близкое просто недостаточно близко. Или, как мило говорит Марк им, сидящим за столом переговоров: «Если вы, парни, были изобретателями Facebook, то вы бы сделали Facebook».

Все, что остается Цукербергу в его ситуации, так это встретиться с дьяволом. И такая встреча, естественно, происходит. Дьяволом стал музыкальный интернет-антрепренер. Поколение Facebook инстинктивно ожидает, что поп-звезда в этой истории обязательно оскандалится, но Джастин Тимберлейк в роли Шона Паркера аккуратно переступает через это ожидание. И совершенно неважно, считаете вы его занудой или нет, он, безусловно, играет великого зануду. Ухоженные брови, потный лоб и эта подогретая кокаином утонченная самоуверенность, всегда грозящая перейти в паранойю. Тимберлейк появляется в кадре в третьей части, чтобы показать зрителям и Цукербергу, по существу, то самое, что автор предлагал нам последнее десятилетие в своих видеофильмах: образ хорошей жизни.

Этот образ весьма утонченный, и Финчер его безжалостно высмеивает. И опять мы знаем, каков этот образ в своей основе: бархатный жгут, официантка на вечеринке с коктейлями, которая обслуживает вас как короля, к вашим услугам все самое лучшее и свежее, ваш особый кабинет в ресторане, особое внимание к дорогой изысканной еде («Не могли бы вы подать что-нибудь? Свинину в глазури с тем самым имбирным конфи? Ну, я не знаю, может быть, для начала тунца под татарским соусом, клешни ома-ра, фуа-гра и клецки из креветок?»), коктейль «Яблочный мартини», свидание с моделью из модного шоу Victoria's Secret, домашние вечеринки, модные тачки, костюмчики в обтяжку, кокаин и цель — «Выше только небо: миллион долларов — это не круто. Знаешь, что такое круто?.. Миллиард долларов». За коктейлем в гламурном ночном клубе Паркер расписывает Цукербергу возможности, которые откроются перед ним по ту сторону этого миллиарда. У Финчера музыка в его евродоме грохочет на полную мощность, как это и бывает в реальной жизни: актерам приходится практически кричать, чтобы их могли услышать. Цукерберг, как и многие парни из его окружения, слишком заиклился на идее, что он находится в раю. И не замечает, что на самом деле он в аду.

Одержимость поколения Facebook звездной жизнью нам более чем известна. Она достойна сожаления, она раздражает нас, но мы признаем, что она имеет место. Но осознает ли это Цукерберг, реальный Цукерберг? На самом ли деле это *его* мотивации,

его одержимости? Нет — и в фильме это видно. В сценарии несколько раз делается попытка согласовать кажущееся безразличие Цукерберга к деньгам и идеи «Социальной сети» — и каждый раз почти безуспешно. В эпизоде, где Марк спорит с адвокатшей, Соркин лукавит, подменяя его интерес к деньгам интересом к власти:

«Мэм, я знаю, вы выполнили свою работу и потому вы знаете, что деньги не главное в моей жизни, но сейчас я мог бы купить Гарвардский университет, а потом переделать клуб “Феникс”¹⁴ в собственный зал для пинг-понга».

Но это не объясняет, почему Цукерберг-тинейджер обменял бесплатное приложение Apple на MP3-плеер, а не продал его компании Microsoft. О какой власти могла идти речь в школе, когда ему было семнадцать? Может, девчонки? Однако мотивация, связанная с девчонками, определенно ложная. Ведь с 2003 г. с небольшими перерывами Цукерберг встречался с одной и той же студенткой-медиком, американкой китайского происхождения, но в фильме этот факт совсем не отражен. А в конце фильма, когда все судебные иски закончились («Заплати им. По сути, это своего рода штраф за неправильную парковку»), нам показывают уткнувшегося в лэптоп унылого Цукерберга, тоскующего по своей Эрике, посылающего ей в Facebook «Давай дружить» и обновляющего его снова и снова в надежде получить ответ.... Дэвид Финчер так современно и так убедительно приукрашивает своего героя, что только в самом последнем эпизоде я осознала особенность этого безумно увлекательного, безумно неточного байопика. Похоже, в Голливуде все еще верят, что у каждого магната есть своя идея фикс, своя голубая мечта, — для Марка это встреча с Эрикой.

Но если не деньги и не девчонки, тогда что? Цукерберг — настоящая американская загадка. Хотя, возможно, не так уж он и загадочен, а просто заигрался: ему нужен уже не миллиард, а сто миллиардов долларов. Или он просто помешан на программировании? Несомненно, создатели фильма рассматривали этот вариант, но видно, что они стояли перед дилеммой: как передать этот компьютерный экстаз — а он определенно существует — так, чтобы это было и кинематографично, и достоверно? Кино печально известно тем, что, даже имея дело со знакомым материалом, оно не способно показать творчество со всем тем наслаждением, которое оно дает, и всеми лишениями, которые оно накладывает.

Программирование — это совсем новая проблематика. Дэвид Финчер делает смелую попытку показать напряженность процесса в действии. («Он в отключке», — говорят одни люди другим, чтобы те не мешали кому-то третьему, тому, кто сидит перед лэптопом в звукопоглощающих наушниках.) И эпизод с вечеринкой у Цукерберга в студенческом общежитии — программирование, сдобренное порцией водки, — дает нам некоторое представление

¹⁴ The Phoenix — SK Club — один из восьми мужских клубов Final clubs Гарвардского колледжа, основанный в 1895 г. — *Примеч. пер.*

об этих удовольствиях. Но даже если на протяжении половины фильма мы видим перед собой работающие мониторы (а мы их видим), ни один из нас не поумнеет. Когда вы смотрите этот фильм, даже если вы знаете, что Соркин ждет от вас осуждения, вы ловите себя на том, что не можете не испытывать чувство гордости от того, что приобщились к поколению 2.0. Десять лет это поколение ругали за то, что оно не создает правильные картины, романы, музыку или политику. Но, как оказалось, самые умные детки из поколения 2.0 создавали кое-что экстраординарное. Они создавали новый мир.

Творцы нового мира — а именно так можно назвать создателей социальных сетей — первым делом задаются вопросом: как это можно сделать? Цукерберг получил ответ на этот вопрос примерно за три недели. Другой вопрос, уже этического характера, встал перед ним позже: зачем? Почему Facebook? Почему именно такой формат? Почему это надо делать так? Почему никак иначе? Что восхищает в реальном Цукерберге, если судить по видеороликам и публикациям, так это относительная банальность его идей, касающихся предназначения Facebook. Для него слово *connect* («контакт») — это то же самое, что для верующих «Иисус». Оно священно: «Итак, замысел на самом деле, гм, состоит в том, что эта сеть помогает человеку войти в контакт с другими людьми и обмениваться информацией (а точнее, мироощущениями) именно с теми, с кем они хотят быть вместе». Их цель — контакт. Ни качество этого контакта, ни качество информации в рамках этого контакта, ни качество взаимоотношений, которые устанавливаются благодаря этому контакту... все это не имеет значения. То, что разнообразие сетевого софта, которое, безусловно, побуждает людей устанавливать такие слабые, такие поверхностные связи друг с другом (как недавно рассуждал об этом Malcolm Gladwell¹⁵), далеко не всегда идет им во благо, похоже, никогда не приходило ему в голову.

Его, мягко говоря, не волнуют философские вопросы, касающиеся частной жизни — и социального инстинкта, — которые возникают в связи с его оригинальным софтом. Наблюдая интервью с ним, я все время ловила себя на том, что жду вербальных проявлений его ума, сдержанного, четко сформулированного сарказма этого знаменитого парня Цукерберга. Но потом я вспомнила, что он всего-навсего детище Соркина. Реальный Цукерберг гораздо больше похож на свой вебсайт, каждую страницу которого он когда-то (2004) украсил фразой «Разработчик Марк Цукерберг». Он сдержанный, но скучный, яркий и безукоризненный, но всегда однозначный, неидеологизированный, лишенный эмоций.

В биографической справке о Цукерберге в газете *New Yorker* написано, что на его персональной странице в Facebook в числе интересов указаны минимализм, революции и «подавление

¹⁵ Small change: Why the revolution will not be tweeted // *The New Yorker*. 2010. October 4.

желаний»¹⁶. Из нее мы узнаем также о его интересе к культуре и литературе Древней Греции. Возможно, в этом заключается несоответствие между реальным и киношным Цукербергом: в фильме он живет в римском мире предательств и излишеств, а в жизни ему больше, вероятно, подошла бы Греция, и скорее всего, Греция стоиков. В этом разгадка сравнительной сущности двух Цукербергов: реальный Цукерберг (особенно в профиль) — это греческая скульптура, благородная, неэмоциональная, немного напоминающая Дорифора¹⁷ (сходство только в лице, его торс определенно не в семь раз больше, чем голова). Марк вымышленный похож на римлянина, в нем детально соблюдены все внешние признаки. В Цукерберге с его постоянством связей, с его съемным домом и лояльностью к телевидению, даже когда ему задают бесцеремонные вопросы (он просто потеет), есть что-то от стоика-подростка. И конечно, если вы подавили свои желания, вам нечего скрывать, не правда ли?

Вот с таким парнем мы имеем дело — он никогда не будет заниматься сексом с фанаткой в туалете бара, как это показано в фильме, и не бросит свою подружку-медичку ради модели из *Victoria's Secret*. Он относится к такому типу парней, которые полагают, что это была хорошая идея — сделать частную жизнь менее частной. В открытом Интернете Цукерберга надо вести себя тактично. Члены Facebook поняли это, когда сайт вторгся в их частную жизнь, выложив ее напоказ, так что ваша тетя Дора вдруг узнала, что, предположим, в прошлый вторник вы вступили в *Queer Nation*¹⁸. Веселые детки погрустнели, участники тусовок изъяли из Интернета свои фотки, снятые во время этих встреч, политические подстрекатели попритихли. В реальной жизни все мы можем оставаться сами собой, жить, как нам хочется, встречаться с тем, с кем хотим. Но на Facebook об этом забыли. Или устали ждать, пока мы изменимся, чтобы узнать, кто же выиграл пари. На вопрос о частной жизни Цукерберг заявил на весь мир следующее: «Существующая социальная норма являет собой нечто, что со временем эволюционировало». В ответ мир запротестовал, и очень громко, и тогда в Facebook появился сайт *Groups* («Группы»), который позволил разделить своих друзей на «сообщества» (*cliques*) в зависимости от того, в какой степени им открыта наша частная жизнь.

Как сайт *Groups* будет взаимодействовать с сервисом *Facebook Connect*, еще предстоит осознать. *Facebook Connect* является «очередной итерацией *Facebook Platform*», с помощью которой пользователям «разрешено» со своими логином и паролем от *Facebook*,

¹⁶ Jose Antonio Vargas. The face of Facebook: Mark Zuckerberg opens up // *The New Yorker*. 2010. September 20.

¹⁷ *Doryphoros* — «Копьеносец», одна из самых известных греческих скульптур, относящихся к классическому периоду. Копия скульптуры «Дорифор» Поликлета есть в экспозиции ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. — *Примеч. пер.*

¹⁸ *Queer Nation* («Нация не таких») — группа прямого действия, созданная в 1990 г. в Нью-Йорк-сити с целью борьбы с гомофобией и защиты прав сексуальных меньшинств — *Примеч. пер.*

со своими друзьями, со своей частной жизнью «подсоединяться» к другим социальным сайтам. В этом новом открытом виртуальном пространстве мы путешествуем по Интернету со своим реальным «я». Эта концепция имеет некоторые очевидные стоические преимущества: больше не будет ни безликой раздражительности, ни возбуждающего троллинга¹⁹ — если ваше имя и социальная сеть следуют за вами в виртуальном мире за пределами Facebook, вам придется сдерживать себя. И всем остальным тоже. С другой стороны, с вами будут ваши симпатии и антипатии, ваши вкусы, ваши предпочтения — все, что связано с вашим именем, и, пользуясь этим, люди постараются навязать вам свой товар.

Возможно, это будет чем-то вроде усиленной версии Интернета, в котором я уже живу, где повсюду меня преследуют объявления о стоматологических услугах и где меня все время уговаривают купить мои собственные книги. Или, может быть, весь Интернет станет похожим на Facebook: фальшиво приветливым, фальшиво дружественным, саморекламным, лживым. Учитывая все это, я ушла из Facebook примерно через два месяца после того, как стала его пользователем. Проверено: от всего того, что вызывает устойчивое привыкание, неизмеримо труднее отказаться, чем просто не начинать пользоваться. Я не раз возвращалась к мысли о том, что Facebook остается самой главной отвлекалкой от работы, которая у меня когда-либо была, и я полюбила его за это. Думаю, что и очень многие любят его за то же самое. Некоторые способы отвлечься от работы сами по себе обременительны и не особенно убыстряют ход времени: покурить, перекусить, кому-нибудь позвонить. С Facebook часы и целые дни пролетали незаметно.

Когда же я приняла решение положить этому конец, передо мной встал вопрос, который мучает всех: действительно ли вы отказались от Facebook раз и навсегда? Во время интервью в *The Today Show*²⁰ ведущий Мэтт Лауер задал Цукербергу этот вопрос, но поскольку он никогда не слушает тех, кому задает вопросы, Лауер удовлетворился следующим ответом: «Но тогда не будет никакого обмена информацией с тем, кто идет вперед». И перешел к другому вопросу.

Вам хочется оптимистично оценивать свое собственное поколение. Вам хочется идти в ногу с ними (с людьми 2.0) и не опасаться того, что вы их не понимаете. И если вы ощущаете дискомфорт в создаваемом ими мире, у вас должны быть на то веские основания. Известный программист и основоположник виртуальной реальности Арон Ланьер (родился в 1960-м) не относится к моему поколению, но он хорошо знает и хорошо понимает нас. И еще он написал маленькую, но пугающую книжечку «You are not a gadget»

¹⁹ Троллинг (trolling) — размещение в Интернетe (на форумах, в дискуссионных группах, в вики-проектах, ЖЖ и др.) провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между участниками. — *Примеч. пер.*

²⁰ *The Today Show* — утреннее ток-шоу и программа новостей National Broadcasting Company, США. — *Примеч. пер.*

(«Ты не гаджет»), созвучную моему собственному дискомфорту, хотя в ее основе лежат реальные знания и пронизательность — и практические, и философские. Ланьера интересует, каким образом человек «упрощает себя», чтобы его характеристика, предназначенная для ввода в компьютер, оказалась максимально точной. «Информационным системам, — пишет он, — требуется информация, чтобы они могли функционировать, но информация недостаточно полно отражает реальность». С точки зрения Ланьера, не существует совершенного цифрового аналога того, что мы называем «личность». В жизни все мы признаем это, но когда попадаем «в онлайн», легко забываем. В Facebook, как и в других онлайн-социальных сетях, жизнь становится базой данных, а это, по мнению Ланьера, деградация, основанная на философском заблуждении — на уверенности в том, что компьютер способен представить мысли людей или человеческие взаимоотношения. Однако пока что компьютеры не умеют этого делать.

Мы инстинктивно знаем о последствиях; мы их чувствуем. Мы знаем, что иметь две тысячи друзей в Facebook — совсем не то, чем это кажется. Мы знаем, что мы пользуемся софтом, чтобы вести себя определенным образом в отношении других. Мы знаем, что мы делаем с софтом. Но осознаем ли мы, что софт делает с нами? Начеку ли мы? Возможно ли, что то, что передается между людьми в режиме онлайн, «в конечном счете становится их правдой»? То, что Ланьер, эксперт-программист, открывает для меня, компьютерного профана, вероятно, для других профи очевидно: софт не нейтрален. Разный софт внушает разные философии, и эти философии, по мере того как они проникают повсеместно, становятся незаметными.

Ланьер предлагает нам порассуждать, например, о простом файле, или, точнее, о мире без файлов. (В первой версии «Макинтоша», которая никогда не выпускалась, файлов вообще не было.) Признаюсь, этот умозрительный эксперимент озадачил меня почти так же, как если бы мне предложили жить в мире без времени. Дальше больше: представим, что все эти штучки, которые зачастую принимаются небрежно, в самый последний момент, оказываются «заблокированными». А поскольку это софт, которым пользуются миллионы, слишком часто становится невозможным его адаптировать или изменить. MIDI — использовавшийся в начале 1980-х цифровой протокол, предназначенный для соединения разных музыкальных компонентов, таких как клавиатура и компьютер, никоим образом не воспринимает, например, плавную мелодическую линию колоратурного сопрано; он все еще используется в большей части музыкального «металла», который мы слышим ежедневно в наших мобильниках, в чартах, просто потому что его, выражаясь на языке софта, слишком много, чтобы он (протокол MIDI) сдал свои позиции, слишком много, чтобы он изменился.

Ланьер предупреждает нас, чтобы мы были внимательны по отношению к софту, с которым мы накрепко повязаны.

Действительно ли он отвечает нашим потребностям? Или мы уменьшаем свои потребности, чтобы убедить самих себя, что софт имеет неограниченные возможности? Как считает Ланьер, «разный медиадизайн стимулирует в людях разные потенциальные возможности. Мы не должны стремиться сделать коллективный менталитет как можно более эффективным. Напротив, следует стремиться развивать интеллект личности».

Но поощрение коллективного менталитета — это именно то, для чего был разработан Open Graph, инновация Facebook 2008 г.²¹ Open Graph позволяет вам увидеть все, что читают, смотрят, едят ваши друзья, чтобы вы могли прочитать, увидеть и съесть то же самое. В своем кратком биографическом очерке в *New Yorker* Цукерберг четко изложил, в чем заключается его личная «философия»:

«Большая часть информации, которая важна для нас, касается того, что находится у нас в голове, не так ли? И она находится там не для того, чтобы ее индексировали. Правильно?.. Это как бы жестко закодировано в нас: мы на самом деле хотим знать, что происходит с окружающими нас людьми».

Действительно ли это самое лучшее из того, что мы можем сделать в режиме онлайн? В фильме Шон Паркер в одном из своих подогретых кокаинчиком «монологов» рассуждает о том, как можно сформулировать суть поколения: «Мы жили на фермах, потом мы жили в городах, а теперь мы собираемся поселиться в Интернете». Против этого у Ланьера, одного из истинных прорицателей Интернета, серьезных возражений нет. Но его скепсис в отношении «тупого редуccionизма» Web 2.0 подсказывает нам вопрос: о какой жизни идет речь?^{22,23} Безусловно, не о той, где каждый из 500 миллионов объединенных между собой людей принимает решение смотреть по ТВ реалити-шоу «Война невест», потому что это смотрят его друзья. «Вам сначала надо кем-то стать, — пишет

²¹ Open Graph («Открытый граф») — платформа Facebook, которая позволяет сторонним сайтам и приложениям обмениваться информацией о пользователях для того, чтобы персонализировать предложения, настройки и сервисы в соответствии с интересами и предпочтениями пользователей, даже если те ни разу до этого не посещали данный сайт. Если вы зарегистрированы в Facebook, сайты партнеров Facebook, таких как CNN, будут показывать информацию, предлагать товары и сервисы, соответствующие исключительно вашим интересам. — *Примеч. пер.*

²² Ланьер: «Персональные веб-страницы, когда они впервые появились в начале 1990-х годов, обладали флером индивидуальности. MySpace отчасти сохранила этот флер, хотя уже начался процесс упорядоченного форматирования. В сети Facebook пошли дальше, организуя людей в мультимедийные тождества, тогда как Wikipedia стремится полностью ликвидировать такой подход».

²³ MySpace («Мое пространство») — популярная международная социальная сеть, в которой возможно создание сообществ по интересам, персональных профилей, ведение блогов, размещение фото- и видеоконтента. 18 января 2008 г. была запущена бета-версия MySpace на русском языке. Однако уже через полтора года было объявлено об окончательном закрытии российского подразделения. Тем не менее сохранены русскоязычный интерфейс и профили российских пользователей. — *Примеч. пер.*

Ланьер, — а уж потом вы сможете обмениваться собой с другими». Но, по Цукербергу, обмениваться своими предпочтениями со всеми (и делать то, что делают они) как раз и есть «быть кем-то».

Лично я не думаю, что все дело было в Final clubs. Не думаю я также, что все дело было в исключительности или в деньгах. E pluribus unum²⁴ — все дело в этом. Я думаю, что он просто хочет быть как все. Он хочет нравиться. Этого не понимают люди 1.0 — те, кто не смог понять явно неловкий PR-ход Цукерберга, когда он передал для школьной системы Ньюарка 100 миллионов долларов именно в день выхода фильма. Для нашего застенчивого поколения (в этом и я, и Цукерберг, и все, кто вырос на ТВ 80-х и 90-х, одинодушны) «не нравиться» так же плохо, как и нравиться. Невыносимо, чтобы о вас плохо подумали даже на минуту, даже на мгновение. Ему не нужно было просто «выделиться» из этой истории. Ему нужно было подняться на самый верх этой истории и попытаться приглушить ее. Двумя неделями позже он вышел из тени. Почему? Потому что фильм всем понравился.

Когда человек превращается в блок информации на веб-сайте вроде Facebook, он редуцируется. Сжимается все. Индивидуальность. Дружбы. Язык. Способность соперничать. Это трансцендентный опыт: мы утрачиваем свое тело, свои беспорядочные чувства, свои желания и свои страхи. Тем из нас, кто брезгливо отворачивается от всего, что мы считаем сверхнапыщенным либерально-буржуазным ощущением своего «я», следует быть осторожнее со своими желаниями: наши выставленные напоказ «я» в сети не производят впечатление большей свободы. Напротив, они производят впечатление большей зависимости.

Придумав Facebook, Цукерберг, похоже, пытается создать что-то вроде ноосферы, Интернет одного сознания, однородную среду, в которой изначально неважно, кто вы есть, до тех пор пока вы делаете «выбор», а это в конечном счете означает, что вы что-то покупаете. Если цель — нравиться все большему и большему числу людей, нет ничего удивительного в том, что личность нивелируется. Весь народ представлен в одном формате. Для самих себя мы особенные, запечатленные в замечательных фотографиях, случается также, что мы иногда что-нибудь покупаем. Этот последний факт, с нашей точки зрения, является второстепенным. Однако деньги рекламодателей, которые хлынут на Facebook — если и когда Цукерберг убедит 500 миллионов человек выложить свою индивидуальность в Facebook — эти деньги что-то значат. Для рекламодателей мы равнозначны нашей покупательной способности, а несколько личных, совершенно неуместных фотографий являются лишь придатком к ней.

Возможно ли, чтобы мы начали думать о себе таким образом? Мне кажется, что по дороге в кинотеатр, производя в уме несложные расчеты (сколько лет мне было, когда я училась в Гарварде;

²⁴ E pluribus unum — девиз, размещенный на гербе США, в переводе с латыни означает «Из многих — единое». — *Примеч. пер.*

сколько лет мне сейчас), я испытала приступ паники человека 1.0. Мне скоро исполнится сорок, потом пятьдесят, потом вскорости я умру. Меня, как и Цукерберга, прошиб пот, мое сердце сумасшедше застучало, я была вынуждена остановиться и прислониться к мусорному баку. Сможете ли вы почувствовать то же самое в Facebook? Я заметила (и мне стало стыдно, когда я поймала себя на этой мысли), что когда убивают девушку-подростка, по крайней мере в Англии, зачастую на ее страничку в Facebook начинают приходить сообщения, из которых видно, что посылающие их люди не вполне осознают ужас случившегося. Вы понимаете, какие сообщения я имею в виду: «Крошка, сожалею! Нам тебя не хватает!!! Надеюсь, что ты сейчас с ангелами. Я помню шутки, которыми мы обменивались! Покойся с миром».

Когда я читаю что-то подобное, я пытаюсь возражать сама себе: «Все дело в недостатке образования. Они чувствуют то же, что и любой другой. В их языке просто не хватает слов, чтобы это выразить». Но в другом уголке моего сознания затаилась более мрачная, более пугающая мысль. А действительно ли они понимают, что произошло, если страничка этой девчонки все еще существует, если она в каком-то смысле еще жива? В конце концов, какая разница, жива или не жива, если ваш контакт был виртуальным?²⁵

Софт может редуцировать людей, но лишь в определенной степени. Художественная литература тоже редуцирует людей, но плохая литература делает это успешнее, чем хорошая, а у нас ведь есть возможность читать хорошие книги. Арон Ланьер считает, что «блокирование» поколения Web 2.0 произойдет скоро, что это уже происходит и в какой-то степени уже произошло. И что же оказалось «заблокированным»? В этом месте важно напомнить самим себе, что Facebook — нашу новую, столь желанную связь с реальностью — разработал гарвардский второкурсник с его гарвардскими заморочками. Каков статус вашей связи? (Выберите один ответ. Возможен только один вариант. Людям необходимо знать.) Есть ли у вас своя «жизнь»? (Докажите это. Отправьте фотки.) Вам нравятся правильные вещи? (Перечислите их. К вещам, которые надо любить, относятся фильмы, музыка, книги и телевидение, но не архитектура, идеи или растения.)

²⁵ Вероятно, причина того, что среди людей старшего возраста наблюдается более сильное сопротивление объединению в социальные сети, кроется в том, что поколение 1.0 не использует программное обеспечение Web 2.0 так, как это делает поколение 2.0. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в отношении того, как два поколения пользуются сотовыми телефонами. Для меня, например, текстовое сообщение — это просто новая среда для старой формы коммуникации: я пишу своим друзьям стандартными, отягощенными знаками препинания, полноценными английскими предложениями, и они отвечают мне в точно такой же манере. В нашем общении мы не знаем языка text-speak. Наша связь с английским языком сформировалась до нашей связи с нашими сотовыми телефонами. (Text-speak — это второй язык для тысяч подростков, в котором используются сокращения слов и фраз, например «txt» вместо «text», «lol» вместо «laughing out loud» («громко смеяться») или «lots of love» («очень сильно люблю») и «SU» вместо «see you» (буквально: «до встречи» — это условное обозначение используется в сообщениях по e-mail). — *Примеч. пер.*)

Но, боюсь, здесь я начинаю испытывать ностальгические чувства. Я мечтаю о Web, который подходит уже не существующему типу людей. К личности, которая есть загадка для всего мира и — что важнее — для себя самой. Личность как загадка: эта мысль об индивидуальности, безусловно, меняется, вероятно, уже изменилась. Потому что я чувствую, что соглашаюсь с Цукербергом: наше «я» эволюционирует.

Конечно, Цукерберг настаивает, что люди сами это делают и технологии, созданные им или кем-то другими, никоим образом не влияют на этот процесс. Это предмет, о котором пусть спорят технари и философы (в идеальном случае они техно-философы, как Арон Ланьер). Неважно, откуда приходят перемены, хотя для меня совершенно очевидно, что те студенты, которым я сейчас преподаю, отличаются от тех студентов, одной из которых когда-то была я, и даже от студентов, которых я обучала в Гарварде всего-то лет семь назад. Сейчас мы со студентами изучаем книгу «Ванная» бельгийского писателя-экспериментатора Жана-Филиппа Туссена — по крайней мере, я считала его экспериментатором. Эта книга о человеке, который решает проводить большую часть времени в своей ванной. Но мои студенты полагают, что этот роман вполне реалистичен; что это точный откровенный портрет их собственного «я»; или, выражаясь нейтрально, близкий аналог явной скуки урбанистического существования в XXI в.

Безымянный главный персонаж этой книги в один из моментов, когда «действие» все-таки происходит, запускает дротик в голову своей подружки. Позже в госпитале они воссоединяются — с поцелуем и без каких-либо объяснений. «Это только их дело», — прокомментировал один из студентов, и он выглядел абсолютно счастливым. У читателя моего поколения при чтении этой книги складывается впечатление, что у персонажей Туссена нет внутреннего мира — в сущности, это не отсутствие внутреннего мира, но отказ от него. И это вопрос этики. Мой внутренний мир вас совершенно не касается. Для моих студентов «Ванная» — это настоящая романтическая история.

Туссен писал в 1985 г. во Франции. Похоже, во Франции философия выше технологии. Здесь же, в англо-американском мире, мы развиваем технологию и надеемся, что идеи сами о себе позаботятся. И наконец, разочаровывает именно идея Facebook. Если это действительно интересный интерфейс, созданный для того, чтобы в нем жила действительно другая молодежь — 2.0, — тогда понятно. Однако это не так. Это дикий запад Интернета, который приручили, чтобы он соответствовал провинциальным фантазиям провинциальной души. Ланьер пишет:

«Эти идеи возникли одновременно совсем недавно, и их отличает некая случайность, несущественность. Сопротивляйтесь рутине, в которую они с легкостью вас погружают. Если вам нравится среда, порожденная софтом, существует опасность, что вы станете заложником чьих-то только рожденных беспечных идей.

Сопровитляйтесь ей! Стоит ли нам сопротивляться Facebook? В нем все редуцировано до размеров его создателя. Предпочтение отдается голубому цвету. Это потому, что, как выясняется, Цукерберг отчасти дальтоник, он не различает красный и зеленый цвета. «Голубой цвет для меня самый насыщенный, я вижу все в голубом цвете». Он непроницаем, потому что так ведут себя стеснительные мальчики с девушками, с которыми они боятся заговорить. Занятый своими личными пустяками, Марк Цукерберг думает, что обмен личными пустяками и есть «дружба». И в самом деле, об этом можно сказать: «Mark Zuckerberg Production!» Мы собирались жить в онлайн-мире. Это должно было быть экстраординарно. И все-таки, что это за жизнь? Уйдите на мгновение со своей страницы в Facebook: не выглядит ли это немного смехотворно? Ваша жизнь в таком формате?

Последний аргумент каждого приверженца Facebook в защиту этого сайта заключается в следующем: «Но он помогает мне поддерживать контакты с людьми, находящимися на краю света!» Конечно, это можно делать также с помощью электронной почты и Скайпа, и они обладают дополнительным преимуществом, которое состоит в том, что они не заставляют вас взаимодействовать с разумом Марка Цукерберга, — ну да, вы это знаете. Мы все знаем. Если бы мы действительно хотели написать этим проживающим очень далеко людям или увидеть их, мы бы это сделали. В действительности нам нужен самый минимум действий, точно так же, как любому девятнадцатилетнему студенту колледжа, который предпочел бы делать что-то другое или ничего.

Во время просмотра фильма, когда один из персонажей упомянул раннюю блог-платформу «Живой Журнал» (все еще популярную в России), зрители засмеялись. Я могу вообразить жизнь без файлов, точно так же я могу вообразить и время, когда Facebook будет казаться таким же устаревшим, как и «ЖЖ». В этом смысле фильм «Социальная сеть» — не жесткий портрет какого-то конкретного реального человека по имени Марк Цукерберг. Это жесткий портрет всех нас — пятисот миллионов разумных людей, ставших заложниками неосторожных идей гарвардского мальчишки.